
**ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА
ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ
THE LAW ENFORCEMENT
BY THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY**

УДК 343.97

DOI 10.24147/2542-1514.2018.2(1).114-122

**ТЕРРОРИЗМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИДЕЙНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

О.Н. Бибик

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

24 января 2018 г.

Дата принятия в печать –

10 февраля 2018 г.

Дата онлайн-размещения –

2 апреля 2018 г.

Ключевые слова

Терроризм, идейная преступность, эффективность уголовного наказания, резонансные преступления, ограничение прав граждан, диалог культур, криминология

Проблема противодействия терроризму как разновидности идейной преступности исследуется через призму культуры. Отмечается неэффективность решения данной проблемы при помощи уголовного наказания. Предлагается рассматривать борьбу с терроризмом как борьбу прежде всего с самой идеей, вызвавшей его к жизни, посредством антитеррористической пропаганды, формирования негативного образа террориста в массовой культуре, минимизации освещения СМИ терактов и лиц, их совершивших. Основой противодействия терроризму, обусловленному конфликтом культур, рассматривается диалог между ними.

**TERRORISM AS A MANIFESTATION OF THE IDEOLOGICAL CRIME:
CULTUROLOGICAL ASPECTS OF COUNTERACTION**

Oleg N. Bibik

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received – 2018 January 24

Accepted – 2018 February 10

Available online – 2018 April 2

Keywords

Terrorism, ideological crime, the effectiveness of criminal punishment, a resonant crime, restriction of citizens' rights, dialogue of cultures, criminology

The subject. The issues of combating terrorism through the prism of culture are examined in the article.

The purpose of the article is to show the anti-terroristic measures through the scope of culture.

The description of methodology. The author uses methods of complex analysis, synthesis, as well as formal-legal, comparative-legal methods in cultural aspect.

The main results and scope of their application. Acts of terrorism are frequent and occur almost worldwide.

Counter-terrorism through criminal penalties is ineffective, because: 1) there are a lot of people among the terrorists who are law-abiding, criminal behavior is not typical for them; 2) in case of terrorist acts by suicide bombers they could not be objectively deter by the threat of punishment; 3) criminal punishment, including capital punishment, can give him the halo of a martyr.

Acts of terrorism cause a serious public outcry. Attempts to strengthen the criminal repression are being made often as a consequence of the impact of terrorist attacks. However, such a reaction to the terrorist attacks appears due to a desire to symbolically restore the social justice. The application of criminal repression is deeply symbolic, because it is always culturally determined. The execution of a terrorist should also be considered as an element of symbolic exchange (punishment instead of a crime).

Terrorism is motivated ideologically, that's why it may be regarded as a kind of ideological crime. Its foundation is a system of views, concepts that allow the offender consider crime as right, morally justified, committing for a higher purpose.

Conclusions. It is proposed to consider the fight against terrorism as primarily a struggle with the idea that caused it to life, through the anti-terrorist propaganda, the formation of a negative image of the terrorist in popular culture, minimization of highlighting terrorist attacks and those, who committed them, in the press. The basis of counter-terrorism due to the conflict of cultures is the idea of a dialogue between them. Developing a strategy to counter terrorism we should take into account the risks that inevitably arise in connection with the limitation of rights and freedoms of people. Counter-terrorism is not a convenient reason for explaining the growing influence of law enforcement on social processes, especially for undermining the democratic foundations of the state.

1. Актуальность противодействия терроризму

Начало XXI в. ознаменовалось новым всплеском преступлений, вызванных культурными (цивилизационными) конфликтами. В связи с этим одной из наиболее актуальных криминологических проблем в настоящее время остается выработка стратегии противодействия терроризму, проявления которого во всем мире наблюдаются практически ежедневно. Из последних событий можно, в частности, отметить следующие: 13 ноября 2015 г. в Париже в результате нападения террористов погибло более 130 человек, включая расстрел заложников в концертном зале «Батаклан»; 14 июля 2016 г. в Ницце нападавший на грузовике врезался в толпу людей, в результате чего погибло 86 человек; 19 декабря 2016 г. в Берлине также в результате наезда на людей погибло 11 человек; 3 апреля 2017 г. в результате атаки террориста-смертника в метро Санкт-Петербурга погибло 16 человек; 3 июня 2017 г. в Лондоне в результате серии нападений вооруженных ножами преступников погибло 8 человек. Этот список можно без труда продолжить.

Причина подавляющего большинства указанных выше преступлений – месть террористов за участие стран Европы в вооруженных конфликтах на Ближнем Востоке и в Средней Азии, шире – конфликт Запада и Востока. Не следует считать, что теракты – удел только радикальных исламистов. Например, в результате нападения «норвежского стрелка» Андерса Брейвика 22 июля 2011 г. погибло 77 человек, в том числе мигрантов. Сам теракт был вызван несогласием Брейвика с миграционной политикой Норвегии, желанием противостоять проявлениям мультикультурализма.

В России по информации ГИАЦ МВД РФ в 2016 г. было зарегистрировано 2 227 преступлений террористического характера. Основную их массу (75–80 %) составляют преступления, признаки составов которых закреплены в ст. 208 УК РФ¹ (организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем) [1]. Согласно данным судебной статистики (форма 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам»), в 2016 г. за совершение преступлений террористического характера в узком смысле слова, признаки составов которых закреплены в ст. 205–205.5, 361 УК РФ (террористический акт, содействие террористической деятельности, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма, прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, организация террористического сообщества и участие в нем, организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации, акт международного терроризма), было осуждено всего 167 человек. На фоне количества осужденных за корыстные преступления против собственности это число нельзя назвать большим, но, учитывая характер и степень общественной опасности соответствующих деяний, обстановка в этой сфере не внушает оптимизма.

В XXI в. борьба с терроризмом осложняется повышением уязвимости общества и государства ввиду всеобщей информатизации, чем могут воспользоваться террористы [2–5]. Компьютерный терроризм становится одной из глобальных угроз².

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² См.: Воронин Н. Евгений Касперский: «Кибертерроризм – это реальность» // BFM.RU. 2011. 3 нояб. URL: <https://glavupdk.bfm.ru/news/159550>.

Наиболее актуальной в настоящее время является не столько угроза попадания оружия массового поражения в руки террористов, сколько использование информационных технологий для причинения вреда (ущерба) общественным отношениям, поскольку такой способ совершения преступления предполагает минимальные затраты и максимальный эффект. Вместо вооруженных нападений, взрывов, современные террористы обладают куда большими возможностями для устрашения населения. Помимо взломов правительственных информационных ресурсов, похищения информации, денежных средств, киберпреступники в состоянии дезорганизовать транспортное обслуживание, энергообеспечение, водоснабжение, в том числе жизненно важных объектов, включая медицинские и социальные учреждения.

2. Причины неэффективности уголовного наказания в процессе противодействия терроризму

Уголовное право предлагает универсальный рецепт решения проблемы – применение наказания к тем, кто совершает преступления террористической направленности. Эффективность такого подхода вызывает сомнения по целому ряду причин.

Во-первых, среди террористов нередко встречаются лица, которые ведут в целом законопослушный образ жизни, для них криминальное поведение не является типичным. Например, «петербургский смертник» Акбарджон Джалилов, совершивший теракт в метро Санкт-Петербурга 3 апреля 2017 г., по данным СМИ, обладал идеальной биографией, в том числе у себя на родине не имел приводов в милицию³. Британский террорист Мохаммед Эмвази, известный как Джихади Джон, характеризовался окружающими людьми как вежливый и интеллигентный человек. Аналогичным образом описывают и Андерса Брейвика. Следует также учитывать, что многие участники террористической деятельности подвергаются мощнейшей психологической обработке, в том числе при помощи наркотических, психотропных веществ, буквально зомбируются. Общеприветливое воздействие наказания на таких людей существенно ограничено.

Во-вторых, при совершении террористических актов смертниками их объективно не может устрашить угроза наказания. Указанным субъектам внушаются представления о том, что после героической смерти они обязательно попадут в рай, в связи с чем какие-либо санкции при жизни теряют для них всякий смысл. Саму идею, ради которой совершается теракт, террористы-смертники ценят больше, чем собственную жизнь. Один из них заявил: «Я ни о чем не сожалею и сожалеть не буду. Я моджахед и хочу одного: принести себя в жертву...»⁴

В-третьих, наказание преступника, включая применение смертной казни, вовсе не решает проблему, вызвавшую теракт. Напротив, казнь террориста может придать ему ореол мученика и сделать память о нем символом, движущей силой для других терактов [6, с. 536–537]. Не случайно согласно ст. 14.1 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле»⁵ тела террористов для захоронения не выдаются и о месте их захоронения не сообщается. Аналогичные выводы можно сделать и в отношении уничтожения террористов. Например, тело Усамы бен Ладен в течение суток после его ликвидации американским спецназовцем 2 мая 2011 г. было похоронено в море. Вместе с тем на деятельность созданной им террористической организации «Аль-Каида» это существенного влияния не оказало.

3. Наказание террористов как символическое восстановление социальной справедливости

Вырабатывая стратегию противодействия терроризму, следует также учитывать, что соответствующие преступления всегда вызывают серьезнейший общественный резонанс. Как следствие, на фоне резонанса от терактов нередко предпринимаются попытки усиления уголовной репрессии. В частности, в Пакистане 16 декабря 2014 г. был совершен террористический акт, в результате которого погибло более 140 человек, большинство из которых были школьниками. В результате руководство страны приняло решение отменить мораторий на смертную казнь⁶. Аналогичный вопрос об отмене моратория

³ См.: Дергачев В., Сидоркова И., Рождественский И. Репортаж РБК: как «тихий мальчик» из Оша стал террористом-смертником // РБК. 2017. 10 апр. URL: <http://www.rbc.ru/politics/10/04/2017/58ea61ce9a79470eda97883d>.

⁴ См.: «72 девственницы ждут меня в раю». Интервью с террористом-смертником / пер. с англ. А. Лесневской // The New Times. 2010. № 34. URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/28935/>.

⁵ Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 146.

⁶ См.: В Пакистане отменяют мораторий на смертную казнь // Лента.ру. 2014. 17 дек. URL: http://lenta.ru/news/2014/12/17/death_penalty/.

на применение смертной казни был поднят в Великобритании после теракта 22 мая 2017 г. в Манчестере. Высказывались неоднократно такие предложения и в России⁷. В общественном мнении наших сограждан преобладает позиция о необходимости введения смертной казни для террористов.

Вместе с тем такая реакция на теракты объясняется лишь желанием символически восстановить социальную справедливость, а вовсе не стремлением эффективно противодействовать преступности. Применение уголовной репрессии глубоко символично, поскольку оно всегда культурно детерминировано. Например, в прошлом наказание применялось, помимо людей, также к животным и даже неодушевленным предметам. Аналогичное значение имели телесные, членовредительские, позорящие наказания, применение каких-либо санкций к уже умершему человеку.

На первый взгляд, может показаться абсурдом наказание умершего человека, животного, неодушевленных предметов за причиненное последствие. Вместе с тем аналогичным образом человек себя ведет и в других подобных ситуациях. Этот факт объясняется тем, что наказания в известной степени являются символическим воплощением наших эмоций. Как отмечают психологи, воздаяние вызывает катарсис, выход эмоций, разрядку напряжения [7, с. 296–298]. Вред, приносимый преступлением обществу, уничтожается наказанием [8, с. 408].

Преступление как таковое не может быть устранено или погашено, поэтому нужен некий его заместитель. Преступление может и должно быть заменено посредством символа, в отношении которого осуществляется акт его уничтожения. В конечном счете, наказание воплощает в себе символическое уничтожение преступления. Объект наказания становится символической заменой коллективных чувств, вызванных совершением преступления, которые переносятся с производимого преступлением непоправимого вреда на объект вменения (камни, дети, душевнобольные) [9, с. 132, 133, 136]. По названной причине как отрубание головы, так и небольшой денежный штраф могут олицетворять для нас «уничтожение» одного и того же преступления – вопрос в значительной степени в нашей способности контролировать свои эмоции.

С учетом вышеизложенного казнь террориста следует рассматривать как пример символического обмена антиблагами (наказание взамен преступления). Вместе с тем коэффициент полезного действия уголовной репрессии в этом случае, помимо удовлетворения потребности в возмездии, будет невысоким. Соответственно следует избегать изменений уголовного законодательства, вызванных очередным резонансным преступлением, включая теракт. Э. Дюркгейм по этому поводу справедливо заметил: «Прежде всего наказание состоит в реакции, внушенной страстью. Этот признак тем очевиднее, чем менее культурны общества» [8, с. 86].

4. Идеальная обусловленность терроризма

По мнению культурологов, сущность терроризма – создание, трансляция и преобразование террористического послания, исходящего от социально-политического заказчика террора и предназначенного субъекту террористического воздействия. Теракт при этом представляется как культурный текст, совокупность знаков, в которых зашифрована социальная информация о смыслах и ценностях террористического послания. Теракт характеризуется сценарной театральностью, срежиссированностью, а объект посягательства рассматривается как символ [10, с. 9, 12, 15]. Террористы планируют свои акции таким образом, чтобы сделать их максимально «зрелищными» и привлечь этим событиям как можно больше внимания СМИ, общества в целом [11].

Современный терроризм представляет, по сути, попытку силовым путем изменить мировоззрение людей. При этом терроризм всегда идеологически мотивирован, в связи с чем может рассматриваться как разновидность идейной преступности. Ее фундамент – это система взглядов, концепций, посредством которых достигается убежденность субъекта преступления в своей правоте, в моральной обоснованности совершения уголовно наказуемого деяния ради высшей цели (счастье народа, спасение человечества, восстановление социальной справедливости, устранение неравенства и т. п.). Так, идейными преступниками являются революционеры, посягающие на государственное устройство ради смены политического режима, формы правления. Другой пример – лица, совершающие акт государственной измены в связи с несогласием в отношении

⁷ См., напр.: Кадыров считает, что за терроризм в России нужно ввести смертную казнь // ТАСС. 2015. 15 окт. URL: <http://tass.ru/politika/2351625>.

действий и решений органов власти. Например, Эдвард Сноуден, бывший сотрудник американских спецслужб (ЦРУ и АНБ), раскрыл секретную информацию о негласной тотальной слежке за простыми людьми, осуществляемой спецслужбами под предлогом борьбы с терроризмом. Идеи преступники воспринимают уголовное наказание за свои поступки как неизбежное зло, вследствие чего превентивное воздействие репрессии на данную категорию людей по большей части нивелируется.

Поскольку в основе террористической деятельности специфическая идеология, постольку и борьба с терроризмом, как правило, это борьба с самой идеей, вызвавшей его к жизни, а вовсе не противостояние конкретной террористической группировке или преступнику. Как показывает мировой опыт, опровержение идейной основы терактов является мощнейшим стимулом к прекращению преступной деятельности. Например, известная в Италии лево-радикальная террористическая группировка «Красные бригады» фактически прекратила свое существование в конце 1980-х гг. после падения коммунистических режимов в странах Восточной Европы. Создание Европейского Союза и вхождение в него Великобритании наряду с Ирландией во многом обусловили прекращение террористической организацией «Ирландская республиканская армия» в 2005 г. вооруженной борьбы. Сама идея объединенной Европы исключала потребность добиваться независимости для Северной Ирландии⁸. В связи с ожидаемым выходом Великобритании из ЕС данная проблема может вновь обостриться.

5. Меры по противодействию терроризму

С учетом вышеизложенного, с культурологической точки зрения противодействие терроризму должно предполагать:

1. *Антитеррористическую пропаганду*, включающую в себя главным образом опровержение тех идей, в поддержку которых действуют террористы, самого смысла теракта как своеобразного послания. Теракт представляет опасность не столько в связи с гибелью людей, причинением вреда их здоровью, имущественного ущерба, сколько с учетом его воздействия на общественное мнение, государственную, национальную идеологию. В связи с этим в Концепции противодействия терроризму в Российской

Федерации⁹ закреплено, что одним из основных направлений предупреждения (профилактики) терроризма является создание системы противодействия идеологии терроризма.

Бороться с идеей посредством наказания объективно невозможно. Введение уголовного запрета на определенную информацию само по себе способно вызвать интерес у человека, что может привести к противоположному результату (эффект Стрейзанд). Если теракт рассматривать как своеобразное заранее срежиссированное послание, то задача государства и общества состоит в том, чтобы это послание не было доставлено адресату либо, по крайней мере, было убедительно опровергнуто.

2. *Формирование негативного образа террориста в массовой культуре*, в том числе в художественной литературе, кинематографе. Современная массовая культура буквально напичкана идеями, вызывающими к жизни терроризм. Примером может быть художественная литература, посредством которой «информационные коды ультраправого политического терроризма проникают в массовую аудиторию» [10, с. 40]. Достаточно обратить внимание на широкий перечень запрещенных Минюстом России экстремистских материалов, чтобы понять масштабы этой проблемы. Кино и телевидение в этом плане также не отстают, транслируя названные идеи в массы.

Необходимо оказывать влияние на редакционную политику, предотвращая использование культуры в целях пропаганды терроризма. С появлением Интернета остро стоит проблема распространения в нем соответствующих материалов.

3. *Минимизацию освещения СМИ самих терактов и лиц, их совершивших*. В Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации аргументированно отмечается заинтересованность субъектов террористической деятельности в широком ее освещении в СМИ в целях получения наибольшего общественного резонанса.

Д.Б. Дондурей по этому поводу резонно заметил: «Нельзя давать микрофон террористу... Взрывы в головах телезрителей – основной объект террора». Единственное, что может остановить террористов, – отсутствие публичной трибуны. Необходимо показать, «что принесенные жертвы были напрасны, что

⁸ См.: Лощилин А. Север помнит: будет ли Ирландия вновь единой // Russia Today. 2016. 23 июля. URL: <https://russian.rt.com/article/313548-sever-pomnit-budet-li-irlandiya-vnov-veloi>.

⁹ Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) // Российская газета. 2009. 20 окт.

данный символический жест не дойдет до миллионов людей через медиа, что это безграничное насилие не имеет смысла в будущем»¹⁰.

Вместе с тем СМИ играют важную роль в процессе воздействия теракта на общество [12, с. 17]. Как отечественные, так и зарубежные СМИ уделяют терактам повышенное внимание, с которым не сравнится ни одно другое общественно значимое событие, включая олимпийские игры и чемпионаты мира по футболу. В прямом эфире демонстрируются как последствия терактов, так и действия правоохранительных органов, самих террористов. Фактически теракт превращается в реалити-шоу, что многократно усугубляет тяжесть его последствий. Нередко натуралистический показ последствий совершения преступления приводит к серьезным стрессам, как это наблюдалось после демонстрации последствий терактов в московском метро¹¹.

СМИ должны освещать теракты в весьма ограниченном объеме, с тем чтобы избежать возможных негативных последствий, на которые рассчитывали террористы. Помимо краткого упоминания о месте, времени, способе теракта, количестве его жертв, остальная информация не должна оперативно подвергаться огласке, включая имена террористов.

4. Минимизацию поводов для совершения терактов. Основная причина современного терроризма – конкуренция, противостояние культур на международном уровне (столкновение цивилизаций в терминологии С. Хантингтона), вызванное глобализацией. Последняя осуществляется преимущественно на основе европейских ценностей, что повлекло конфликт Запада и Востока. Так, широкий общественный резонанс произвели размещенные в датской газете карикатуры на пророка Мухаммеда. Есть множество других примеров исламофобии, в том числе формирование в СМИ негативного стереотипного отношения к мусульманам и исламу, подстрекательство к убийству мусульман, в том числе посредством компьютерной игры «Убей мусульманина!», показ художественных и документальных фильмов, в которых мусульмане ассоциируются исключительно с насилием и терроризмом, и т. п.¹² С

другой стороны, имеются многочисленные примеры исламского экстремизма.

Культурная доминанта современной европейской культуры – человек, его права и свободы, индивидуальность. Западное общество все больше секуляризируется. Традиционные общества, основанные на обычаях и религии, объективно не готовы к восприятию данных ценностей, что создает почву для конфликтов. Усугубляет ситуацию то, что зачастую предпринимаются попытки принизить неевропейские культурные ценности как устаревшие, архаичные.

В процессе глобализации на основе европейских ценностей фактически имеет место аккультурация. Вопреки расхожим стереотипам, в данном случае перед нами вовсе не интеграция (идентификация индивида как с собственной, так и с чужой культурой), для которой свойственен мультикультурализм, а ассимиляция, что требует полное принятие культуры-донора, отказ от собственной культуры [13, с. 332–333]. Вместе с тем культурный империализм на практике приводит к еще большему отторжению навязываемых правил поведения. Сочетание такой стратегии с вмешательством европейских и североамериканских стран в вооруженные конфликты за рубежом только подливает масла в огонь.

6. Диалог культур как основа противодействия терроризму, продиктованному конфликтом культур

Выходом из тупика является диалог культур, концепция которого была предложена М.М. Бахтиным и В.С. Библером. Культура сама по себе есть «форма одновременного бытия и общения людей различных – прошлых, настоящих и будущих – культур, форма диалога и взаимопорождения этих культур...» [14, с. 289]. Причем диалог в идее культуры есть «не диалог различных мнений или представлений, это – всегда – диалог различных культур...» [14, с. 299]. Какими бы непохожими ни были культуры, их развитие невозможно без диалога, ненасильственного восприятия чужого культурного опыта, обмена накопленными знаниями. Эксперты вполне обоснованно указывают, что для устранения глубинных причин нетерпимости требуется комплекс мер в областях межкультурного диалога, воспитания в

¹⁰ Нужно ли средствам массовой информации брать интервью у террористов? Взрывы в головах // Российская газета. 2012. 13 янв.

¹¹ См.: Шестаков Е., Соловьев Е. Смерть online // Российская газета. 2011. 20 окт.

¹² См.: Доклад Специального докладчика по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации,

ксенофобии и связанной с ними нетерпимости Гиту Муйгаи о проявлениях диффамации религий, и в особенности о серьезных последствиях исламофобии для осуществлению всех прав верующими на Совете по правам человека Генеральной Ассамблеи ООН (Документ A/HRC/12/38. 1 July 2009) (п. 22, 27). URL: http://sartraccc.ru/Pub_inter/racism.pdf.

духе толерантности и уважения культурного многообразия¹³.

Всякий диалог возможен, если для него есть основа. Необходима общая идея, которая могла бы объединить разные культуры, снимая их противопоставление. На международном уровне подобный диалог возможен прежде всего на основе общечеловеческих ценностей, являющихся составной частью любой культуры. Примером противодействия преступности на основе общечеловеческих ценностей являются нормы, запрещающие совершение международных преступлений, в том числе военных преступлений, геноцида, агрессии, преступлений против человечности.

В Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г.¹⁴ отмечается, что терроризм также представляет угрозу международному миру и безопасности. Поэтому вполне возможно и даже необходимо консолидировать на международном уровне представителей разных культур для противодействия совершению соответствующих общественно опасных деяний. В связи с этим обоснованным представляется отнесение терроризма к числу международных преступлений в российском законодательстве (ст. 361 УК РФ).

7. Риски в процессе противодействия терроризму

Выработка стратегии противодействия терроризму должна учитывать те риски, которые неизбежно возникают в связи с ограничением государством прав и свобод человека и гражданина. Ученые отмечают, что имеют место две социальные тенденции – культурный релятивизм и «культура контроля» (*culture of control*). Культурный релятивизм проявляется в тезисе о необходимости плюрализма культур, терпимости к людям. «Культура контроля» обусловлена, помимо прочего, также различными опасениями обывателей, в том числе в связи с глобальным терроризмом. Обе эти тенденции используются властями для управления общественными процессами [15, р. 310–317].

На примере США можно наблюдать достаточно яркие проявления «культуры контроля». В частности, после терактов 11 сентября 2001 г. появилось

множество новых запретов и ограничений гражданских прав и свобод, а правоохранительные органы были наделены дополнительными полномочиями. Повсеместное прослушивание телефонов частных лиц, отслеживание активности в Интернете, включая переписку по электронной почте (например, проект PRISM, реализуемый АНБ США, предусматривающий слежку не только за американцами, но и жителями многих других стран), – это далеко не полный перечень тех возможностей, которыми стали пользоваться органы власти.

В нашей стране Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹⁵ предусматривает также существенные ограничения прав граждан. Так, решение о проведении контртеррористической операции принимает единолично руководство федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности (ч. 2 ст. 12). На территории, в пределах которой введен правовой режим контртеррористической операции, допускается в том числе удаление физических лиц с отдельных участков местности и объектов, контроль телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем, поиск информации на каналах электрической связи и в почтовых отправлениях, беспрепятственное проникновение лиц, проводящих контртеррористическую операцию, в жилые и иные помещения, проведение досмотра физических лиц и находящихся при них вещей, досмотра транспортных средств (ч. 3 ст. 11).

Противодействие терроризму не должно рассматриваться как повод для усиления влияния правоохранительных органов на общественные процессы, тем более – для подрыва демократических основ государства. В противном случае появление оруэлловского «Большого Брата» сулит куда большие беды. Борьба с терроризмом – это серьезный экзамен на зрелость гражданского общества, его готовность не только соглашаться с новыми ограничениями, но и защищать свои интересы. Необходим баланс, с одной стороны, в обеспечении общественной и государственной безопасности, с другой стороны, в сохранении гражданских прав и свобод.

¹³ Доклад Специального докладчика по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости...

¹⁴ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 15 июня 2001 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации: офиц. сайт.

URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/crime/-/asset_publisher/3F5IZsLVSx4R/content/id/579622.

¹⁵ Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

Стоит напомнить, что не единожды мнимые и реальные угрозы использовались не только для манипулирования общественным мнением, но и для установления авторитарных и тоталитарных режимов. Например, поджог Рейхстага в Германии 28 февраля 1933 г. стал поводом для установления диктатуры Гитлера. Примечательно, что соответствующий закон был принят в целях устранения бедствий народа и государства. Террористы – также удобный образ врага, которым легко воспользоваться в политических целях.

В отношении прогноза дальнейшего развития ситуации в сфере противодействия терроризму в кратко- и среднесрочной перспективе следует заметить, что она не имеет тенденций к улучшению. Ко-

личество террористических атак в обозримом будущем не уменьшится, как не изменится и своеобразный театр войны, в который помимо развивающихся стран, прежде всего Ближнего Востока, Средней Азии, втянутых в бесконечную череду гражданских войн и внутренних междоусобиц, будут входить и промышленно развитые государства, прежде всего Северной Америки и Европы. Социально-экономическая ситуация в мире нестабильна, что также будет детерминировать вовлечение в террористическую деятельность социально незащищенных или откровенно обездоленных людей. Но самый главный негативный фактор, не дающий поводов для оптимизма, – это отсутствие у конфликтующих сторон желания вести диалог.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рапог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма / А.И. Рапог // *Lex Russica*. – 2017. – № 4. – С. 155–178. – DOI: 10.17803/1729-5920.2017.125.4.155-178.
2. Полякова Т.А. Вопросы ответственности за использование информационно-телекоммуникационных систем в террористических и экстремистских целях / Т.А. Полякова // *Российский следователь*. – 2008. – № 1. – С. 24–27.
3. Трунцевский Ю.В. Национальная стратегия в борьбе с преступностью: зарубежный опыт (на примере полиции Литвы) / Ю.В. Трунцевский, Е. Бычин // *Российский следователь*. – 2007. – № 6. – С. 37–40.
4. Степанов-Егиянц В.Г. Ответственность за преступления против компьютерной информации по уголовному законодательству Российской Федерации / В.Г. Степанов-Егиянц. – М.: Статут, 2016. – 190 с.
5. Епхийев О.М. Преступления террористического характера: состояние, динамика и особенности проявления в современной России / О.М. Епхийев, З.Г. Брциева, А.В. Моисеев // *Российский следователь*. – 2017. – № 16. – С. 28–34.
6. Квашис В.Е. Смертная казнь. Мировые тенденции, проблемы и перспективы / В.Е. Квашис. – М.: Юрайт, 2008. – 800 с.
7. Бэрон Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. – СПб.: Питер, 1999. – 352 с.
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М.: Наука, 1991. – 576 с.
9. Gephard W. *Recht als Kultur. Zur kultursoziologischen Analyse des Rechts* / W. Gephard. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2006. – 323 s.
10. Петухов В.Б. Феномен терроризма в информационном пространстве культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии / В.Б. Петухов. – М., 2009. – 49 с.
11. Смирнов А.А. Европейские стандарты правового регулирования освещения терроризма в СМИ / А.А. Смирнов // *Административное право и процесс*. – 2014. – № 1. – С. 71–73.
12. Палитай И.С. Особенности применения метода моделирования в социологическом исследовании терроризма: автореф. дис. ... канд. социол. наук / И.С. Палитай. – М., 2009. – 28 с.
13. Теория культуры: учеб. пособие / под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. – СПб.: Питер, 2008. – 592 с.
14. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век / В.С. Библер. – М.: Изд-во полит. лит., 1991. – 414 с.
15. Claes E. *Cultural Defence and Societal Dynamics* / E. Claes, J. Vrieling // *Multicultural Jurisprudence: Comparative Perspectives on the Cultural Defense* / ed. by M.-C. Foblets, A.D. Renteln. – Oxford; Portland, OR: Hart publ., 2009. – P. 301–319.

REFERENCES

1. Rarog A.I. The Criminal Code of Russia Against Terrorism. *Lex Russica*, 2017, no. 40, pp. 155–178. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.125.4.155-178. (In Russ.).
2. Polyakova T.A. Questions of liability for use of information and telecommunications systems for terrorist or extremist purposes. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2008, no. 1, pp. 24–27. (In Russ.).
3. Truntsevskii Yu.V., Bychin E. National strategy in the fight against crime: foreign experience (on the example of the Lithuanian police). *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2007, no. 6, pp. 37–40. (In Russ.).
4. Stepanov-Egiyants V.G. *Responsibility for crimes against computer information on the criminal legislation of the Russian Federation*. Moscow, Statut Publ., 2016. 190 p. (In Russ.).
5. Epkhiev O.M., Brtsieva Z.G., Moiseev A.V. Crimes of terrorist nature: state, dynamics and occurrence peculiarities in contemporary Russia. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2017, no. 16, pp. 28–34. (In Russ.).
6. Kvashis V.E. *The death penalty. World trends, problems and prospects*. Moscow, Yurait Publ., 2008. 800 p. (In Russ.).
7. Baron R.A., Richardson D.R. *Human Aggression*. St. Petersburg, Piter Publ., 1999. 352 p. (In Russ.).
8. Durkheim E. *The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method*. Moscow, Nauka Publ., 1991. 576 p. (In Russ.).
9. Gephard W. *Law as a culture. Culturological and sociological analysis of law*. Frankfurt am Main, Vittorio Klostermann Publ., 2006. 323 p. (In German).
10. Petukhov V.B. *The phenomenon of terrorism in the information space of culture*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2009. 49 p. (In Russ.).
11. Smirnov A.A. European standards of the legal regulation of the media coverage of terrorism. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*, 2014, no. 1, pp. 71–73. (In Russ.).
12. Palitai I.S. *The features of a simulation method in the sociological study of terrorism*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2009. 28 p. (In Russ.).
13. Ikonnikova S.N., Bol'shakov V.P. (eds.). *Theory of culture*, textbook. St. Petersburg, Piter Publ., 2008. 592 p. (In Russ.).
14. Bibler V.S. *From science teaching – to logic of culture. Two philosophical introductions in the twenty-first century*. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1991. 414 p. (In Russ.).
15. Claes E., Vrielink J. Cultural Defence and Societal Dynamics, in: Foblets M.-C., Renteln A.D. (eds.). *Multicultural Jurisprudence: Comparative Perspectives on the Cultural Defense*. Oxford, Portland, OR, Hart Publ., 2009, pp. 301–319. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бибик Олег Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
e-mail: olegbibik@mail.ru
SPIN-код: 2670-9299; AuthorID: 495309

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Oleg N. Bibik – Doctor of Law, Professor, Chair of Criminal Law and Criminology
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
e-mail: olegbibik@mail.ru
SPIN-code: 2670-9299; AuthorID: 495309

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бибик О.Н. Терроризм как проявление идейной преступности: культурологические аспекты противодействия / О.Н. Бибик // *Правоприменение*. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 114–122. – DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).114-122.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bibik O.N. Terrorism as a manifestation of the ideological crime: culturological aspects of counteraction. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 1, pp. 114–122. DOI: 10.24147/2542-1514.2018.2(1).114-122. (In Russ.).